

КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 316.4

DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-2-100-110

*Н. П. Щукина, Б. А. Никитина**

РОЛЬ РЕСУРСОВ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЦ, ОТБЫВШИХ УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ И ОСВОБОЖДЕННЫХ ОТ НЕГО**

В статье рассматриваются ресурсы лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него, на основе результатов эмпирического исследования, осуществленного в рамках реализуемого по президентскому гранту проекта «Дорожная карта ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него (2018–2021 гг.)». Были выделены две группы респондентов: лица, отбывшие уголовное наказание и освобожденные от него, и лица, повторно отбывающие уголовное наказание. Вторая группа респондентов объединяет осужденных, отбывающих уголовное наказание повторно, которые рассматриваются в исследовании как носители нерезультативной практики постпенитенциарной ресоциализации. В ходе анализа выделяются группы более и менее адаптированных респондентов, изучается роль социального и человеческого капитала в обеспечении эффективности процесса ресоциализации. Собранные данные наглядно демонстрируют, что криминальная биография опрошенных явно тормозит процессы ресоциализации во всех сферах их жизнедеятельности. Выявлено, что приобретенная в результате получения образования квалификация далеко не всегда играет большую роль в ресоциализации, гораздо более эффективной стратегией является трудоустройство в любом качестве, даже в ситуации неполного соответствия или несоответствия работе имеющейся квалификации. В заключении даются рекомендации относительно необходимости развития рефлексивности заключенных, их самоактуализации и навыков планирования различных сфер жизнедеятельности после выхода на свободу.

Ключевые слова: лица, отбывшие уголовное наказание и освобожденные от него, самоактуализация, социальный капитал, человеческий капитал, ресоциализация, адаптированность, рефлексивность, деятельностно-активистский подход.

Всякий научный текст рождается и живет в социальном контексте, пропитан духом времени, т. е. помимо «позитивного» знания, в нем, разумеется, отражены ценностные предпочтения как респондентов, так и исследователей, интерпретирующих мнения этих респондентов, с учетом контекстов их высказывания. Иными словами, «социальный мир может быть назван и построен различным образом в соответствии с различными принципами видения» [1, с. 195]. Поэтому подчеркнем, что необходимо принимать в расчет позицию, занима-

емую исследователем как при организации, так и презентации полученных им результатов:

- придерживается ли исследователь оптимистического или пессимистического взгляда на будущее изучаемого сообщества и общества в целом;
- как высоко он оценивает возможности этого сообщества и последствия его действий, как определяются и оцениваются его окружение, внешняя среда;
- верит он в детерминированность или свободу воли социальных акторов и кого видит в этом качестве;

* © Щукина Н. П., Никитина Б. А., 2018

Щукина Нина Петровна (nina_shukina@mail.ru), кафедра истории Отечества, медицины и социальных наук, Самарский государственный медицинский университет, 443079, Российская Федерация, г. Самара, ул. Тухачевского, 226.

Никитина Бэла Анатольевна (belanik@yandex.ru), кафедра социологии и психологии, Самарский государственный экономический университет, 443090, Российская Федерация, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.

** Статья подготовлена в рамках социального образовательного проекта № 17-1-008568 «Дорожная карта ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него (2018–2021 гг.)» с использованием гранта Президента РФ на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов.

• ценит ли он преимущество во взаимодействии разного рода акторов на изучаемом поле или всячески приветствует разрыв с предыдущими их практиками [2].

Для нас, как авторов данной статьи, представляется значимым при интерпретации собранного эмпирического материала отказаться от идеи «естественности» человеческого прогресса и руководствоваться принципом: историю делают сами люди, но обладающие властным ресурсом при этом доминируют. Точнее говоря, из разнообразия возможных теоретических контекстов мы выбираем в качестве рамок нашего исследовательского текста деятельностно-активистскую концепцию. Согласно этой концепции, направленность социальных изменений зависит от практических действий многообразных социальных субъектов, включая и богатых социальным капиталом, и рядовых граждан. Социальная среда рассматривается как вибрирующее поле социальных взаимодействий, а результаты рационально осмысленных действий нередко оборачиваются прямо противоположными последствиями. Особо значимым для нас в данной концепции представляется то внимание, которое уделяют ее авторы социальным ресурсам, причем ресурсам рядовых граждан. В нашем случае – это лица, отбывшие уголовное наказание и освобожденные от него, которые возвращаются в общество в качестве сограждан. Ресурсами же их могут быть самые разные, включая материальные, интеллектуальные, социальные и др. связи. Согласно деятельностному подходу, социальные изменения, в нашем случае ресоциализация лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него, не являются линейными; изучаемый процесс ресоциализации определяется как многообразные «пульсирующие» сдвиги, направленность и содержание которых зависят и от существующих социальных структур и институтов, и от деятельности многообразных социальных агентов, включая лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него, которые своими практиками способны трансформировать и структуры, и самих себя.

Цель нашей статьи – в рассмотрении специфики тех ресурсов, которыми располагают лица, отбывшие уголовное наказание и освобожденные от него. При этом под ресурсами понимается все, что может быть привлечено и использовано для удовлетворения определенной потребности или решения проблемы [3, с. 26]. Они – источник и арсенал средств и возможностей, к которым могут обращаться лица, отбывшие уголовное наказание и освобожденные от него, по мере необходимости для решения разного рода задач, встающих перед ними в процессе ресоциализации.

Важнейшим ресурсом любого человека являются его социальные связи, способствующие не только решению проблем, но и расширению перспектив, возможностей самореализации. Кстати сказать, П. Бурдье фокусировал внимание именно

на ресурсности социального капитала: «родственных отношениях и отношениях в группе членства» [4]. Здесь стоит различать социальные связи, способствующие и препятствующие ресоциализации. Так, члены семьи, родственники, коллеги, друзья, временно предоставляющие «кров и хлеб насущный», помогающие найти жилье и работу, – это способствующий ресоциализации неформальный социальный институт.

Однако эти же самые акторы могут вовлечь человека и в делинквентную активность, что будет препятствовать его ресоциализации и обусловит рецидив преступлений. Отсюда следует, что качество социального капитала играет значимую роль в процессе ресоциализации.

Опора на социальные связи – стержневой ресурс осужденных, классически считающийся наиболее эффективным условием их ресоциализации. В ситуации дефицита таких связей – как до, так и после судимости – остается лишь та самая пенитенциарная социальная сеть, которая сама по себе выступает тормозом успешной ресоциализации [5, с. 184].

Неотъемлемым ресурсом человека – наряду с социальным капиталом – является его человеческий капитал, включающий в себя не только имманентные ему знания, навыки, мотивации, но и физическое состояние, здоровье, настроение. Различный уровень квалификации, умений, готовность/неготовность к поиску работы, места жительства, навыки налаживания отношений в семье, в трудовом коллективе по месту жительства и т. д. – все это без сомнения сказывается на успешности процесса ресоциализации. Человек, отбывший уголовное наказание и освобожденный от него, может иметь желание начать новую жизнь и представление о том, что можно сделать для ее наступления практически и без промедлений. Наряду с этим для приподнятого настроения, способствующего успеху на всех фронтах жизнедеятельности, необходимы не только благоприятные социально-экономические обстоятельства, но и соответствующее состояние здоровья, отсутствие хронических или острых заболеваний, психологическое состояние.

В этой связи большое значение для прогнозирования успешности ресоциализации изучаемой общности имеет, повторим, понимание тех ресурсов социального и человеческого капитала, которыми обладают лица, отбывшие уголовное наказание и возвращающиеся в общество.

В качестве эмпирической базы данной статьи выступают результаты социологического опроса лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него, проведенного в ноябре – декабре 2017 г. в рамках реализуемого по президентскому гранту проекта «Дорожная карта ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него (2018–2021 гг.)». Опрошено с использова-

нием целевой выборки 375 человек, включающей в себя две группы респондентов: лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него, и лиц, вновь отбывающих уголовное наказание (100 и 275 человек соответственно). Назовем этих опрошенных респондентами первой и второй групп. Во второй группе респондентов нас интересовали прежде всего практики их неуспешной ресоциализации периода от момента отбытия или освобождения от уголовного наказания до нового осуждения.

Обратившись к результатам проведенного нами эмпирического исследования, заметим, что в обеих группах подавляющее большинство респондентов составили лица трудоспособного возраста: 40–41 % – это лица возраста 30–39 лет, около 29 % – 20–29 лет. Доли лиц младше 20 лет и старше 60-ти не превысили значения 1,5 % в обеих группах респондентов. Иными словами, возраст большинства опрошенных – трудоспособный, связанный с решением таких проблем, как поиск партнера, создание семьи, воспитание детей, приобретение и повышение трудового и профессионального статуса. При этом средний возраст ко времени первой судимости составляет 23,8 года у респондентов первой группы и 20,6 года у респондентов второй группы.

Обращает на себя внимание и невысокий образовательный уровень респондентов, в частности, доля лиц с окончанным и неоконченным высшим образованием не превысила 11 % в обеих группах (10,7 и 10,4 % соответственно), причем доля людей с высшим образованием выше среди респондентов с одной судимостью. Большинство респондентов пришлось на лиц со средним и неполным средним образованием (53,1 и 63,8 % соответственно), что свидетельствует о более низком образовательном уровне респондентов, чей опыт ресоциализации оказался неудачным на момент опроса. Заметим, кстати, что, согласно микропереписи 2015 г., 25,8 % россиян возраста 15–65 лет имеют высшее и 2,8% – неоконченное высшее образование, а образование ниже среднего специального – 43,1 % [6, с. 20]. Разумеется, данные микропереписи не полностью сопоставимы по возрастным границам и половому составу с нашими респондентами. Тем не менее очевидно, что доля людей с высшим образованием в среднем по России все же почти в 3 раза выше, а доля людей со средним и ниже среднего образованием несколько ниже, чем доля таковых среди наших респондентов.

Таким образом, криминальная биография опрошенных, начинающаяся в достаточно молодом возрасте, может рассматриваться как препятствие для получения среднего специального и высшего образования. Даже если такая биография начнется позже, то она может быть связана с неблагоприятной ситуацией в профессионально-трудовой сфере, в свою очередь детерминируемой уровнем его образования.

Подчеркнем, что уровень образования – одна из характеристик, влияющих на мотивацию личности к той или иной деятельности. Он может быть как ресурсом, так и фактором, способствующим преступной деятельности, что нашло отражение в ряде теорий о причинах преступного поведения людей [5, с. 380]. Получение образования способствует лучшей социализации, снижению вероятности делинквентного поведения, а значит, попадания в криминогенные ситуации, особенно в хроническом режиме.

Что касается занятости респондентов, то она в обеих группах коррелирует с количеством их судимостей, демонстрируя тенденцию более высокой занятости у опрошенных, судимых лишь однажды. При этом полностью занятых соответственно 62 и 52 % опрошенных.

Выявленную тенденцию можно интерпретировать как объективными, так и субъективными причинами – либо затруднениями при трудоустройстве для тех, кто был судим многократно, либо же нежеланием или неумением трудоустроиться у указанной категории людей.

Перечень профессий, по которым работают респонденты, – весьма разнообразен, с одной стороны, с другой – достаточно однотипен. Среди профессий, названных опрошенными, доминируют такие, как рабочий, грузчик, водитель, дворник, автомойщик; также представлены столяр, оператор, монтажник, овощевод, курьер, уборщик, электромонтер, сборщик мебели, маляр, слесарь ремонтник, отделочник, мастер по ремонту обуви, другие. Наблюдается явное доминирование рабочих профессий, не требующих высокой квалификации. Если обратиться к частоте их упоминания, то лидируют грузчики, рабочие, водители, дорожные и строительные рабочие. Иными словами, данные виды работ весьма относительно соответствуют уровню образования респондентов, проанализированному нами выше.

Что касается соответствия профессионального профиля выполняемой деятельности, то более половины респондентов из обеих групп (58,6 %) ведут речь о несоответствии профессионального профиля выполняемой деятельности, а около 15,6 % определили свою работу как полностью или частично соответствующую их образованию. Несоответствие профессиональной квалификации выполняемой работе отметили в большей степени люди с одной судимостью, что можно объяснить их повышенными требованиями к содержанию труда.

Обратная тенденция присутствует в случае респондентов, работающих по специальности: среди них доля трижды судимых незначительно выше. При условии, что доля полностью занятых среди многократно судимых ниже, некоторое преобладание ответов о соответствии их работы имеющейся квалификации можно интерпретировать как большую уверенность в трудоустройстве тех, кто ощу-

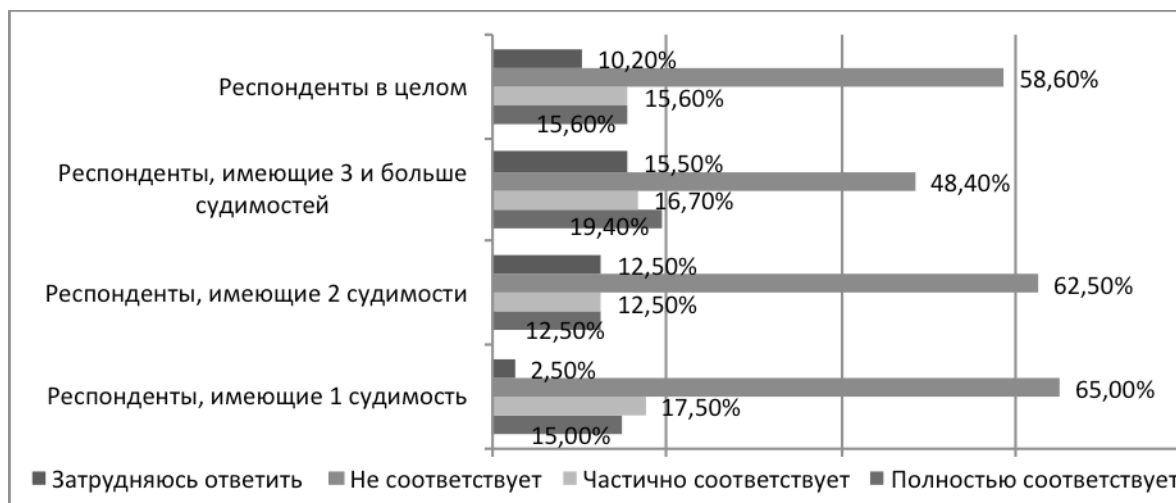

Рис. 1. Соответствие работы респондентов первой группы их квалификации в зависимости от судимости

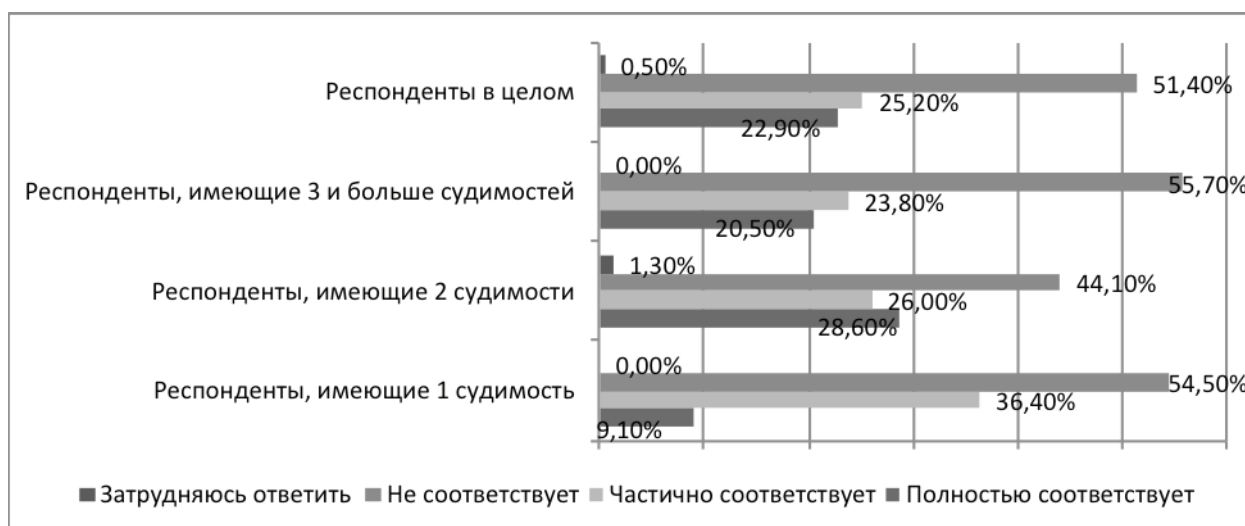

Рис. 2. Соответствие работы респондентов второй группы их квалификации в зависимости от судимости

щает реальную востребованность своей квалификации (рис. 1). В противном же случае их ожидает безработица со всеми вытекающими последствиями, что делает для этой категории опрошенных востребованность их квалификации на рынке труда особо важной.

Сходная картина и во второй группе опрошенных. При этом наблюдается парадоксальная ситуация: респонденты из второй группы очень редко «затруднялись ответить» на вопрос о соответствии их квалификации выполняемой работе и чаще выбирали ответ о соответствии работы имеющейся квалификации (см. рис. 2).

При интерпретации данного парадокса обратим внимание на ответы респондентов второй группы на обобщающий вопрос о том, как сложилась их жизнь после погашения судимости в предшествующий раз. В таблице 1 даны ответы на вопросы респондентов из первой и второй групп. В первой колонке положительные значения являются свидетельством большей доли респондентов из первой группы, удовлетворенных ситуацией в разных сферах жизни, нежели доля

удовлетворенных респондентов из второй группы. Соответственно, во второй и третьей колонках отрицательные значения свидетельствуют о меньшей доле обеспокоенных и неудовлетворенных среди респондентов первой группы. Согласно данным таблицы 1, менее удовлетворены жилищными условиями респонденты первой группы; в этой же группе на 5 % больше считающих, что с работой после выхода на свободу «все плохо», в сравнении с респондентами второй группы.

Поскольку речь идет о респондентах, которые не смогли успешно ресоциализоваться и повторно совершили преступления, их несколько больший оптимизм в представлениях относительно возможностей трудоустройства должен иметь определенные предпосылки – объективные или субъективные.

Для того чтобы понять истоки данной ситуации, в рамках нашего исследования успешность ресоциализации опрошенных была рассмотрена также в ином ракурсе, с разделением всех респондентов на две группы – успешно и неуспешно адаптировавшихся (или более и менее адаптированных).

В качестве критерия такой дифференциации был применен индекс самооценки степени благополучия жизни в 6 выделенных нами сферах:

- 1) работа;
- 2) отношения с супругой;
- 3) отношения с детьми;
- 4) отношения с другими родственниками;
- 5) отношения с друзьями и знакомыми;
- 6) жилищные условия.

Представители группы более адаптированных респондентов – это лица, считающие, что их жизнь после освобождения наладилась в большинстве из обозначенных нами сфер (в 4 и более сферах), респонденты же из группы менее адаптированных считают, что их жизнь наладилась лишь в некоторых из перечисленных выше сфер (от одной до трех).

Исходя из данной логики, мы разделили опрошенных на две группы: менее адаптированные и более адаптированные. Среди респондентов, ранее отбывавших наказание, соотношение между этими группами составило 26 и 74 %, в то время как среди респондентов, вновь отбывающих уголовное наказание, соответственно – 32 и 68 %. Иными словами, респондентов обеих групп отличает высокая их оценка степени собственной социальной адаптации, которую трудно однозначно интерпретировать и назвать близкой к истине.

Тем не менее обращает на себя внимание больший оптимизм респондентов, отбывших уголовное наказание.

Для изучения факторов, влияющих на степень адаптированности респондентов, нами были взяты такие ресурсы их человеческого и социального капитала, как уровень образования, уровень экономического благосостояния, занятость, степень соответствия профессиональной деятельности имеющейся квалификации. Рассмотрены были и жилищные условия, а также состояние здоровья, степень самоактуализации респондентов и их рефлексивности.

Что касается образования, то его уровень, согласно данным таблицы 2, однозначно выше среди более адаптированных респондентов вне зависимости от того, относятся ли они к первой или второй группе. При этом доля лиц, не перешагнувших уровень среднего специального образования, выше у менее адаптированных респондентов.

В случае взаимосвязи степени адаптированности респондентов с характером их занятости выявляется четкая тенденция более высокого уровня занятости у более адаптированных респондентов, с одной стороны, с другой, – повышенная доля безработных у менее адаптированных.

В то же время обнаруживает себя, согласно данным табл. 3, и практически равномерное распределение признака «уровень занятости» среди менее адаптированных респондентов первой и второй групп.

Таблица 1

Сопоставление мнений респондентов первой и второй групп относительно степени благополучия ситуации после освобождения

Наименование сферы	Все сложилось хорошо	Сложная и неустойчивая ситуация	Пока все плохо
Работа	5 %	-10 %	5 %
Отношения с супругой /сожительницей	5 %	-3 %	-2 %
Отношения с детьми	9 %	-7 %	-2 %
Отношения с другими родственниками	16 %	-14 %	-2 %
Отношения с друзьями и знакомыми	16 %	-10 %	-6 %
Жилищные условия	-2 %	4 %	-2 %

Таблица 2

Доля лиц с разным уровнем образования среди более адаптированных и менее адаптированных респондентов

Группа респондентов	Степень адаптированности	Среднее образование и ниже	Среднее специальное образование	Высшее и н/высшее образование	Итого
Респонденты первой группы	Более адаптированные	72 %	20 %	8 %	100 %
	Менее адаптированные	57 %	31 %	12 %	100 %
Респонденты второй группы	Более адаптированные	70 %	24,6 %	5,4 %	100 %
	Менее адаптированные	47,2 %	39,2 %	13,6 %	100 %

Что касается соответствия выполняемой респондентами работы имеющейся у них квалификации, то здесь, согласно данным таблицы 4, четко прослеживается следующая тенденция: у менее адаптированных респондентов – и в первой, и во второй группе – доля работающих в соответствии с имеющимся уровнем квалификации в 2 и более раза ниже, чем у респондентов, лучше адаптированных. В условиях, когда уровень квалификации у респондентов в нашем исследовании достаточно невысок, такая приверженность квалификации не выглядит как приверженность своей любимой работе, а скорее говорит о неспособности переквалифицироваться. В то же время если сравнивать ответы менее адаптированных респондентов первой группы с ответами респондентов второй группы, то работающих не по специальности в первой группе респондентов заметно больше, чем среди респондентов второй группы.

Достаточно предсказуемым оказалось и доминирование бедных среди менее адаптированных: их в 3 раза больше, чем среди более адаптированных. Заметим, кстати, что в нашем исследовании бедные – это респонденты при ответе на вопрос: «Как вы оцениваете свое экономическое благосо-

стояние?», выбравшие вариант: «Едва свожу концы с концами, денег не хватает даже на продукты». Менее адаптированные респонденты из первой группы в меньшей степени говорят о своей бедности, 40 % ведут речь о малообеспеченности. Среди менее адаптированных респондентов второй группы уровень их материального благосостояния распределен практически равномерно, что можно интерпретировать как их нечувствительность к этому параметру.

Еще одним из рассмотренных нами показателей адаптированности была активность респондентов в отношении урегулирования ими своей жизни, назовем этот показатель степенью самоактуализации респондентов. Так, согласно данным таблицы 5, среди адаптированных от 32 до 40 % считают, что они старались наладить свою жизнь в каждой из 6 указанных выше сфер жизнедеятельности, в то время, как среди неадаптированных таковых оказалось лишь 13–16 %.

Таким образом, сравнительный анализ успешности ресоциализации респондентов с уровнем их образования, занятостью, соответствием работы имеющейся квалификации, уровнем экономического благосостояния и степенью их самоактуализации

Таблица 3

Доля респондентов с разным уровнем занятости среди более адаптированных и менее адаптированных респондентов

Группа респондентов	Степень адаптированности	Полная занятость	Частичная занятость	Безработные	Итого
Респонденты первой группы	Более адаптированные	35 %	35,0 %	30,0 %	100,0%
	Менее адаптированные	74,5 %	15,3 %	10,2 %	100,0%
Респонденты второй группы	Более адаптированные	37,3 %	35,3 %	27,5 %	100,0%
	Менее адаптированные	63,0 %	26,9 %	10,2 %	100,0%

Таблица 4

Доля лиц с разным уровнем соответствия квалификации выполняемой работе среди более адаптированных и менее адаптированных респондентов

Группа респондентов	Степень адаптированности	Соответствует квалификации	Частично соответствует квалификации	Не соответствует квалификации	Итого
Респонденты первой группы	Более адаптированные	28,6 %	7,1 %	64,3 %	100,0 %
	Менее адаптированные	14,8 %	25,9 %	59,3 %	100,0 %
Респонденты второй группы	Более адаптированные	28,4 %	22,6 %	49,0 %	100,0 %
	Менее адаптированные	12,3 %	26,3 %	61,4 %	100,0 %

подтверждает наличие их взаимосвязи, что позволяет предположить, что все эти характеристики являются ресурсами ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него. При этом влияние показателей субъективного характера (таких как степень самоактуализации) не менее заметно, чем влияние показателей биографического характера, включая образование и экономический статус.

Наряду со сказанным выше в рамках исследования была проанализирована степень рефлексивности респондентов. Отбывание наказания, в местах лишения свободы в частности, – период максимальных, на наш взгляд, раздумий о том, почему ты оказался в этих условиях; в ситуации снижения собственного социального статуса. Что привело к этому, насколько это приемлемо/неприемлемо для тебя в будущем и что необходимо сделать для того, чтобы не оказаться вновь в подобных ситуациях. В целях уточнения степени и характера рефлексивности респондентам был предложен ряд вопросов относительно их планов на будущее, включая вопросы трудоустройства, образования, совместного проживания с кем-либо из членов своей семьи/другого ближайшего окружения, а также относи-

тельно самого места жительства. В среднем более половины опрошенных продемонстрировали отсутствие конкретных планов относительно этого будущего. Однако если по вопросам трудоустройства и образования доля «легкомысленных» составила 60 % и более, то по вопросам места жительства и состава домохозяйства эта доля несколько ниже (47 и 52 % соответственно).

Что касается планов на дальнейшее трудоустройство, то, согласно данным таблицы 6, в первой группе опрошенных практически каждый второй имел общее представление о том, как и где он будет работать после освобождения. В отношении образования позиция была другой – 43 % решительно не хотели об этом думать в период отбывания наказания. В то же время не желающих размышлять конкретно относительно того, с кем им придется проживать совместно после выхода на свободу, было примерно столько, сколько и тех, кто имел конкретные представления об этом. Несколько больше респондентов было уверено в том, где именно они будут проживать после выхода на свободу, хотя чуть меньшая доля (26 %) не желала строить конкретных планов на этот счет.

Таблица 5

Доля лиц с разным уровнем самоактуализации среди более адаптированных и менее адаптированных респондентов

Группа респондентов	Степень адаптивности	Активность в сферах жизнедеятельности					
		в одной сфере	в 2 сферах	в 3 сферах	в 4 сферах	в 5 сферах	в 6 сферах
Респонденты первой группы	Более адаптированные	13,1 %	20,2 %	20,3 %	26,0 %	7,4 %	13,0 %
	Менее адаптированные	5,2 %	11,2 %	16,0 %	9,2 %	18,3 %	40,1 %
Респонденты второй группы	Более адаптированные	8,0 %	19,2 %	17,3 %	18,3 %	21,1 %	16,1 %
	Менее адаптированные	5,5 %	20,3 %	9,2 %	19,1 %	14,0 %	31,9 %

Таблица 6

Планирование респондентами первой группы будущей жизни в сферах трудоустройства, образования, совместного проживания и места жительства

Варианты ответов	Трудоустройство	Образование	Совместное проживание	Место жительства
Я старался об этом не думать	13 %	43 %	30 %	26 %
В общих чертах я планировал это	48 %	20 %	22 %	21 %
У меня был конкретный план	15 %	15 %	29 %	33 %
У меня был основной и запасной план	15 %	9 %	10 %	11 %
Нет ответа	9 %	13 %	10 %	9 %
Итого	100,0 %	100,0 %	100,0 %	100,0 %

В случае с респондентами второй группы, половина из них, согласно данным таблицы 7, старалась вообще не думать об этом или же планировала соответствующую ситуацию лишь в самых общих чертах. Примерно равные доли (по 15 %) имели конкретные планы или даже запасные по вопросам дальнейшего трудоустройства, в совокупности их доля составила чуть более 30 %.

Заметим, что наименьшее внимание планированию респонденты уделяют в такой сфере, как образование; чуть более продуманным является вопрос о совместном проживании с кем-либо: женой, детьми, другими родственниками и т. п.

Несколько позитивнее по сравнению с ситуацией в первой группе выглядит степень рефлексивности респондентов второй группы в аспекте трудоустройства. Максимальное же количество раздумий вызывает вопрос о месте жительства. Анализируемые нами данные таблицы 8 напоминают о ситуации в стране в целом: о таком отношении к работе, когда люди не работают и не стремятся к трудоустройству, довольствуясь минимальными базовыми условиями выживания; полноценное же

трудоустройство либо считают невозможным, либо не стоящим тех усилий, которое оно требует. Так, например, зарплаты на тех рабочих местах, на которые могут претендовать наши респонденты, по сути, не дают возможности качественных изменений в их жизни.

Однако повторим, что в ситуации, когда квалификация (особенно низкая) человеку не приносит успеха, гораздо более значима любая работа или подработка, даже не по специальности, имеет смысл задумываться о том, где и кем можно было бы все-таки трудоустроиться.

Рефлексивность, умение продумывать свою будущую жизнь – это не автоматическое умение, данное человеку изначально. Разумеется, ожидать серьезного планирования собственного будущего от каждого человека, тем более от людей с низким уровнем образования, которым и отличаются наши респонденты, не стоит.

В частности, рассмотрение вопроса о том, как изменяется здоровье респондентов в период ресоциализации, тоже дает основание для более глубокого понимания ситуации. Согласно данным

Таблица 7

Планирование респондентами второй группы их будущей жизни в сферах трудоустройства, образования, совместного проживания и места жительства

Варианты ответов	Трудоустройство	Образование	Совместное проживание	Место жительства
Я старался об этом не думать	27,9 %	32,6 %	22,9 %	23,3 %
В общих чертах я планировал это	28,8 %	31,7 %	30,0 %	22,9 %
У меня был конкретный план	15,9 %	8,8 %	19,4 %	26,4 %
У меня был основной и запасной план	15,0 %	9,3 %	11,9 %	11,9 %
Нет ответа	12,4 %	17,6 %	15,80 %	15,50 %
Итого	100,0 %	100,0 %	100,0 %	100,0 %

Таблица 8

Доля лиц с разным уровнем активности планирования будущего среди более адаптированных и менее адаптированных респондентов

Группа респондентов	Степень адаптированности	Индекс планирования			Итого
		Низкая активность в сфере планирования	Средняя активность в сфере планирования	Высокая активность в сфере планирования	
Респонденты первой группы	Более адаптированные	95,0 %	5,0 %	0,0 %	100 %
	Менее адаптированные	71,7 %	16,6 %	11,7 %	100 %
Респонденты второй группы	Более адаптированные	63,0 %	25,9 %	35,60 %	100 %
	Менее адаптированные	32,90 %	31,50 %	11,1 %	100 %

таблицы 9, для многих более адаптированных респондентов и первой, и второй групп процесс ресоциализации сопровождается улучшением состояния здоровья (41,4 и 32,2 % соответственно). Вместе с тем у менее адаптированных респондентов этот процесс носит разнонаправленный характер – в зависимости от того, отбыли они или вновь отбывают уголовное наказание. Заметная часть респондентов второй группы – особенно менее адаптированные – обращают внимание на то, что период ресоциализации для них сопряжен с ухудшением здоровья. Возможно, такая ситуация – тревожный звонок об отсутствии или проблемности стимулов для успешной ресоциализации. В сочетании с нежеланием продумывать планы своего будущего на свободе такая ситуация может стать основанием для рецидивной преступности, для возвращения в привычную среду с четким распределением ролей и заботой/контролем других – хотя бы минимальными – о твоём здоровье, хлебе и крове.

Представляется важным сфокусировать внимание и на связи степени адаптированности респондентов с условиями их проживания после отбытия уголовного наказания. Согласно данным таблицы 10 (об условиях проживания респондентов

в зависимости от степени их адаптированности), выявляется одно из наиболее очевидных условий уверенности респондентов в своих силах, в успехе ресоциализации: у 65 % более адаптированных респондентов второй группы и у 43 % более адаптированных респондентов первой группы есть собственная квартира; в то время как менее адаптированным приходится ориентироваться на съемную квартиру или проживание у родственников. Такой ответ, подчеркнем, не является удивительным для страны, в которой стоимость жилья не заложена в прожиточный минимум, а покупка квартиры является делом всей жизни для многих людей.

При этом несколько лучшие условия у респондентов первой группы в отношении возможности сожительства.

Резюмируя сказанное выше касательно ресурсов ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него, подчеркнем, что более высокий уровень образования и экономического благополучия, активное планирование будущей жизни и высокая степень самоактуализации в период ресоциализации – это то, что способствует попаданию опрошенных в группу «более адаптированных респондентов». Соответственно,

Таблица 9

Доля лиц с разными тенденциями в изменениях состояния здоровья среди более адаптированных и менее адаптированных респондентов

Группа респондентов	Степень адаптированности	Здоровье улучшилось	Здоровье не изменилось	Здоровье ухудшилось	Затрудняюсь ответить	Итого
Респонденты первой группы	Более адаптированные	31,6 %	31,6 %	5,3 %	31,5 %	100,0 %
	Менее адаптированные	41,4 %	32,8 %	15,5 %	10,3 %	100,0 %
Респонденты второй группы	Более адаптированные	20,4 %	33,3 %	25,9 %	20,4 %	100,0 %
	Менее адаптированные	32,2 %	26,4 %	25,6 %	15,8 %	100,0 %

Таблица 10

Доля лиц с разными жилищными условиями среди более адаптированных и менее адаптированных респондентов

Группа респондентов	Степень адаптированности	Свое жилье	Съемное	В общежитии	У родственников	У друзей	У сожителиницы	Итого
Респонденты первой группы	Более адаптированные	33,3 %	16,7 %	0,0 %	33,3 %	0,0 %	16,7 %	100,0 %
	Менее адаптированные	33,8 %	32,4 %	0,0 %	25,0 %	1,5 %	7,3 %	100,0 %
Респонденты второй группы	Более адаптированные	30,2 %	20,8 %	7,5 %	28,3 %	1,9 %	11,3 %	100,0 %
	Менее адаптированные	65,5 %	6,9 %	1,7 %	15,5 %	0,0 %	10,4 %	100,0 %

менее адаптированные респонденты, оценивающие свою ситуацию как сложившуюся не самым удачным образом в большинстве проанализированных нами сфер жизнедеятельности, преимущественно пассивны, не думают о своем будущем, отбывая уголовное наказание, имеют низкий уровень образования и экономического благополучия. Интересным представляется и наше наблюдение о том, что работа в соответствии с профессиональной квалификацией вовсе не является фактором более успешной ресоциализации, а вот сам по себе факт работы, даже не на полную ставку или не совсем по специальности, – это уже тот рычаг, который можно использовать для более успешного возвращения человека в общество. В то же время в исследовании выявлены факторы негативного значения, преодоление которых выглядит проблематичным для отдельных групп респондентов: велика роль собственного жилья, отсутствие которого может негативно сказываться как на здоровье, так и карьере респондентов, что следует учитывать, на наш взгляд, как в программах ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него, так и в нормативных основаниях данного процесса.

Не менее важно и другое: криминальная биография лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него, начинающаяся в достаточно молодом возрасте, может рассматриваться не только как препятствие для получения более высокого образования и квалификации, востребованности на рынке труда после освобождения, но и как тормоз самореализации в иных сферах жизнедеятельности. Однако, несмотря на наличие такой биографии, полученные нами данные свидетельствуют о ресурсной базе у этих лиц, актуализация которой могла бы способствовать большей адаптации и успешности их ресоциализации после освобождения от уголовного наказания. Принимая во внимание, что жилищный вопрос и поддержание состояния здоровья респондентов после их освобождения в хорошем и удовлетворительном состоянии – это проблемы, решение которых во многом зависит от факторов, находящихся вне рамок пенитенциарной системы, имеет смысл сосредоточиться в большей степени на тех характеристиках респондентов, которые играют положительную роль в процессе их ресоциализации, о чем говорилось выше. В частности, по-видимому, следует организовывать специальные занятия по визуализации осужденными собственного будущего, предоставлять им информацию и варианты технологий планирования их будущей жизни в сферах трудоустройства, образования, совместного проживания и места жительства. Для более корректных процедур тактического и стратегического планирования имеет смысл проводить занятия по саморефлексии с использованием специально разработанных методик и технологий, позволяющих

идентифицировать респондентами собственные слабые и сильные места, адекватно повышающие уровень самооценки на фоне определения социально-психологических проблем, приведших их к сложившейся ситуации. Важным также представляется актуализация информации о позитивных ресурсах социальных сетей респондентов, которыми они располагали до судимостей, а также осмысление того, каким образом можно поддерживать и развивать общественно одобряемую социальную активность даже находясь в местах лишения свободы.

Библиографический список

1. Бурдые П. Начала. М.: Socij-Logos, 1994. 288 с.
2. Оберемко О. А, Ядов В. А. Общетеоретические подходы к анализу социального развития и социальных изменений. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Yadov_Obsheteoret_podhod.pdf (дата обращения: 07.05.2018 г.).
3. Сипорин М. Ресурсы клиента: задачи социальных служб по их выявлению // Энциклопедия социальной работы: в 3 т. Т.3. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 1994. С. 25–28.
4. Bourdieu P. The forms of capital // Richardson J. Handbook of theory and research for the sociology of education, N. Y.: Greenwood Press, 1986. P. 241–258.
5. Нестеров А. Ю. Пенитенциарные адаптационные технологии по отношению к несовершеннолетним осужденным в воспитательных колониях УФСИН России // Власть, 2016, № 03. С. 178–185.
6. Индикаторы образования: 2017. Статистический сборник / Ю. Бондаренко, Л. Гохман, И. Забатурина; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2017. 320 с.
7. Кастелле Д. Исправительные учреждения для несовершеннолетних // Энциклопедия социальной работы: в 3 т. Т. 1. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 1993. С. 377–382.

References

1. Bourdieu P. Nachala [The Beginnings. Choses dites]. M.: Socio-Logos, 1994, 288 p. [in Russian].
2. Oberemko O. A, Yadov V. A. Obshcheteoreticheskie podkhody k analizu sotsial'nogo razvitiia i sotsial'nykh izmenenii [General-theoretical approaches to the analysis of social development and social change]. Available at: http://www.civisbook.ru/files/File/Yadov_Obsheteoret_podhod.pdf (accessed 07.05.2018) [in Russian].
3. Siporin M. Resursy klienta: zadachi sotsialnykh sluzhb po ikh vyivleniiu [Client resources: tasks of social services to identify them]. In: Entsiklopediia sotsialnoi raboty: v 3 t. T. 3 [Encyclopedia of Social Work: In 3 Vols. Vol. 3]. M.: Tsentr obshchechelovecheskikh tsennostei, 1994, pp. 25–28 [in Russian].

4. Bourdieu P. The forms of capital. In: Richardson J. Handbook of theory and research for the sociology of education. N. Y.: Greenwood Press, 1986, pp. 241–258 [in Russian].

5. Nesterov A. Yu. Penitentsiarnye adaptatsionnye tekhnologii po otnosheniiu k nesovershennoletnim osuzhdennym v vospitatelnykh koloniiakh UFSIN Rossii [Penitentiary adaptation technologies in relation to juvenile convicts in educational colonies of the Management of the Federal Penitentiary Service of Russia]. *Vlast'* [The Authority], 2016, no. 3, pp. 178–185 [in Russian].

6. Bondarenko Yu., Gokhman L., Zabaturina I. Indikatory obrazovaniia: 2017. Statisticheskii sbornik [Indicators of education: 2017. Statistical compilation]. National Research University «Higher School of Economics». M.: NIU VSHE, 2017, 320 p. [in Russian].

7. Castelle D. Ispravitelnye uchrezhdeniia dlia nesovershennoletnikh [Correctional facilities for minors]. *Entsiklopediia sotsialnoi raboty: v 3 t. T. 1* [Encyclopedia of Social Work: in 3 Vols. Vol. 1]. M.: Tsentr obshchechelovecheskikh tsennostei, 1993, pp. 377–382 [in Russian].

*N. P. Shchukina, B. A. Nikitina**

ROLE OF HUMAN AND SOCIAL CAPITAL RESOURCES IN THE PROCESS OF RE-SOCIALIZATION OF PERSONS WHO HAVE SERVED A CRIMINAL PENALTY AND WHO HAVE BEEN RELEASED FROM IT

The article examines the resources of persons who served criminal sentences and have been released from it on the basis of the results of an empirical study carried out within the framework of the project «The road map for resocialization and real inclusion in civil society of persons who have served a criminal sentence and have been released from it (2018–2021)». Two groups of respondents were singled out: those who departed and those who are serving their sentence again. The second group of respondents unites prisoners who serve criminal sentences repeatedly, which are considered in the study as carriers of ineffective practice of post-penitentiary resocialization. The analysis identifies groups of more and less adapted respondents, studies the role of social and human capital in ensuring the effectiveness of the process of resocialization. The collected data clearly demonstrate that the criminal biography of the respondents obviously hinders the processes of resocialization in all spheres of their life activity. On the other hand, the qualifications acquired as a result of getting an education do not always play a big role in resocialization, a much more effective strategy is to find employment in any capacity, even in the situation of incomplete compliance or inconsistency with the work of the available qualifications. In conclusion, recommendations are given regarding the need to develop the reflexivity of prisoners, their self-actualization and planning skills for various spheres of life after they are released.

Key words: persons who have served a criminal penalty and have been released from it; social capital, human capital, resocialization, adaptation, reflexivity, self-actualization, activity-activist approach.

* *Shchukina Nina Petrovna* (nina_shukina@mail.ru), Department of National History, Medicine and Social Sciences, Samara State Medical University, 226, Tukhachevskogo Street, Samara, 443079, Russian Federation.

Nikitina Bela Anatolievna (belanik@yandex.ru), Department of Sociology and Psychology, Samara State University of Economics, 141, Sovetskoi Armii Street, Samara, 443090, Russian Federation.

** The article was prepared within the framework of social educational project № 17-1-008568 «Road map for resocialization and real inclusion in civil society of persons who have served criminal sentences and have been released from it (2018–2021)» using the President's grant for the development of civil society provided by the Foundation for Presidential Grants.